

*Р. Ю. Почекаев**

Китайский фактор русско-английского соперничества за Хунзу**

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется вопрос о вовлечении Цинской империи в борьбу Российской и Британской империй за контроль над княжеством Хунза, номинально находившимся под маньчжурским сюзеренитетом. Оценивается позиция самой империи Цин по поводу судьбы Хунзы и ее правителей на рубеже 1880–1890-х гг., причины ее пассивности в процессе установление британского протектората над княжеством.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Российская империя, Британская империя, империя Цин, Хунза (Канджут), протекторат, Большая игра

В противостоянии России и Англии за господство над Центральной Азией во второй половине XIX – начале XX в., именуемое «Большой игрой», нередко вовлекались и дополнительные участники, причем порой это были не только те страны и народы, в отношении которых две империи старались установить свой контроль. Ярким примером тому является судьба Хунзы — небольшого горного княжества на севере современного Пакистана. С середины 1880-х по начало 1890-х гг. Россия и Англия вели активную дипломатическую борьбу за влияние над этим государством, которое при этом в данный период времени считалось васалом империи Цин.

Истории Хунзы (также нередко именовавшейся Канджутом) и обстоятельствам ее захвата английскими властями Индии посвя-

* Почекаев Роман Юлианович, к. ю. н., доц., кафедра теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), ropchekaev@hse.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого

щено немало исследований [5, с. 69–73; 6, с. 34–68; 17, с. 522–561; 18; 21]. Есть также и специальные работы о вассальной зависимости этого государства от империи Цин [22; 24]. В настоящей же статье предпринимается попытка рассмотреть своего рода «промежуточный аспект» — насколько проявлялась эта вассальная зависимость Хунзы от Китая в процессе противостояния за контроль над ней между Россией и Великобританией. Ценные сведения по данному вопросу содержатся в записках участников «Большой игры», побывавших в это время как непосредственно в Хунзе, так и в соседнем с ней регионе империи Цин — Синьцзяне. Среди них наиболее подробно описали исследуемые события российский дипломат Н. Ф. Петровский (1837–1908), военный чиновник и исследователь-востоковед Б. Л. Громбчевский (1855–1926), английские военные администраторы и дипломаты Д. Биддульф (1840–1921), Э. Дюранд (1854–1923), Н. Эллиас (1844–1897), Ф. Янгхазбенд (1863–1942) и ряд других.

Впервые Хунза признала (при не вполне установленных обстоятельствах) зависимость от империи Цин в 1761 г., т.е. вскоре после установления маньчжурской власти в Восточном Туркестане, администрация которого, собственно, и осуществляла непосредственные контакты с правителями Хунзы. Надо сказать, что Хунза в качестве вассала маньчжуров представляла собой классический в китайской политической традиции пример *vai-fanь* 外藩 — «[далекого] внешнего вассала» [16, с. 43, 51], обязанности которого по отношению к сюзерену ограничивались, по сути, номинальным признанием сюзеренитета маньчжурского императора и уплатой символической дани (9 маленьких золотых слитков в год), в обмен на которую цинские власти, в свою очередь, жаловали дары (одежду, ткани, драгоценности) правителям Хунзы [10, с. 190]. Характерными примерами подобного вассалитета в разное время считались Северная (Халха) Монголия, казахские Старший и Средний жузы, киргизские племена и т.д.

Отдаленность и труднодоступность этого горного княжества практически исключала какой бы то ни было контроль со стороны цинской администрации в Яркенде за деятельностью его правителей. Поэтому в течение длительного периода вассалитета (1761–1891) цинские власти практически никогда не требовали от своих номинальных вассалов выполнять какие-либо обязанности по отношению к сюзерену. В результате примеры проявления со стороны правителей Хунзы лояльности маньчжурам были весьма редкими и всячески поощрялись цинской администрацией. Так, когда 1847 г. правитель Хунзы принял участие в подавлении вос-

стания Семи ходжей в Восточном Туркестане, имперские власти даже запечатлели это событие в специальной табличке, вывешенной на воротах Яркенда и существенно увеличили «субсидии» своему верному вассалу [8, с. 37; 11, с. 139].

Несомненно, такой формат отношений в полной мере устраивал и монархов Цин, и самих эмиров Хунзы, однако номинальность васалитета обусловила весьма активную внешнюю политику последних, которая в большинстве случаев вела к конфликтам с соседними государствами, значительная часть которых в XIX в. оказалась под контролем властей Британской Индии. Бедность Хунзы (о которой упоминают практически все посетившие ее иностранцы) заставляла местных правителей периодически отправлять банды грабителей для захвата караванов, проходивших через их владения из Восточного Туркестана в Кашмир и обратно, а также единолично или в союзе с правителями соседних горных княжеств организовывать набеги на более богатые области Северной Индии [9, с. 123].

Естественно, подобные действия не оставались без ответа, и уже с начала XIX в. кашмирские правители, подконтрольные британским властям, стали предпринимать ответные меры против Хунзы. После целой серии походов кашмирских войск эмирам Хунзы уже в начале XIX в. впервые пришлось признать зависимость от Кашмира, которую затем они неоднократно подтверждали — вплоть до 1869 г., когда эмир Мухаммад Газан-хан (1863–1886) объявил себя вассалом раджи Кашмира и стал платить ему ежегодную дань — двух лошадей, двух собак и 20 унций золота в год [8, с. 39; 11, с. 139], которая, впрочем, носила не менее символический характер, чем та, которую ранее Хунза платила империи Цин. Изъявления верности маньчжурским императорам в это время прервались. Несомненно, это объяснялось в основном тем, что в это время Восточный Туркестан вышел из-под контроля маньчжурских властей, соответственно, его администрация не могла контролировать отдаленное горное княжество. Однако как только власть империи Цин в восставшем регионе была восстановлена, правитель Хунзы тут же постарался восстановить *status quo*: в течение 1878–1885 гг. он направил несколько посольств в Синьцзян, в результате чего прежние вассальные отношения были закреплены [1, с. 206–207; 13, с. 412; 20, р. 13–14].

При этом формат отношений Хунзы с маньчжурскими властями не изменился — более того, ее правители, убедившись в неэффективности контроля цинской администрации над пограничными регионами Синьцзяна, стали позволять себе набеги даже на подданных китайских императоров — Сарыкол и киргизов, обла-

гать местное население налогами и даже ставить здесь своих наместников [2, с. 53; 11, с. 138]. Не имея возможности обуздать беспокойного вассала, имперские власти делали вид, что не знают об этих набегах и время от времени даже принимали сторону представителей Хунзы в конфликтах с собственными подданными. Весьма показательные примеры приведены Л. Б. Громбчевским, лично побывавшим в Хунзе. Так, однажды разбойниками из Хунзы была захвачена семья жителей из Яркенда, ограблена и продана в рабство. Отца семейства продали на Восточный Памир, находившийся тогда под контролем маньчжуров, и, оказавшись в цинских владениях, он обратился с жалобой к местной администрации, которая, однако, заявила, что он сам виноват, поскольку оказался во владениях эмира без его позволения. В другой раз подданные эмира Хунзы стали продавать в Яркенде пленных кашмирцев; узнав об этом, маньчжурские власти немедленно запретили эту торговлю, приговорили местных жителей, купивших рабов, к ударам палками, а от продавцов из Хунзы потребовали вернуть деньги и освободить пленников; в ответ последние пригрозили, что для возмещения потерь станут захватывать сарыкольцев и киргизов, так что властям Яркенда пришлось разрешить им продать и оставшихся кашмирцев [3, с. 146–147]. Упоминает Громбчевский и другие примеры, когда в спорах между собственными подданными и жителями Хунзы цинские власти выносили решение в пользу последних или как минимум отказывались выказывать им какие-либо претензии в пользу жителей Синьцзяна [1, с. 162–163; 2, с. 36–37; 3, с. 151; см. также: 8, с. 37; 20, р. 14].

Эту беспомощность китайских властей в отношениях с Хунзой постарались использовать в своих интересах британские агенты в регионе. Сначала они стали призывать пострадавших киргизов и жителей Сарыкола более активно требовать от цинской администрации мер по борьбе с грабителями из Хунзы, возврату своих родичей из рабства и возмещения стоимости разграбленного имущества. Когда же маньчжурские власти, как и ожидалось, отказались такие меры принимать, английские дипломаты пообещали пострадавшим, что в обмен на признание зависимости от властей Британской Индии они смогут защитить их от угрозы из Хунзы [2, с. 37–38].

Следующим шагом британцев стали переговоры с самими эмирами горного княжества. В 1886 г. полковник У. Локкарт (1841–1900), отправленный в экспедицию на Памир, запросил у эмира разрешения пройти через территорию Хунзы, правда, ему за это пришлось принести богатые дары правителю — 40 ружей и 30 револь-

веров с патронами, 25 отрезков дорогих тканей и 30 тыс. рупий [2, с. 6; 17, с. 506]¹. Тем не менее, начало официальным дипломатическим контактам между властями Британской Индии и Хунзы было положено, и в последующие годы княжество посетили Э. Дюранд и Ф. Янгхасбенд. Главной темой переговоров стали, конечно же, непрекращающиеся набеги разбойников из Хунзы на индийские пограничные владения и караваны, однако вместе с тем британские представители настойчиво высказывали недовольство тем, что правитель Хунзы не выполняет заключенный в 1869 г. договор о вассалитете с Кашмиром [19, р. 138; 21, р. 7]. В ответ на это эмир Сафдар-Али (прав. 1886–1891) заявлял о бедности своих владений и требовал от английской администрации ежегодной субсидии, которая могла бы компенсировать потери от несостоявшихся набегов, и в то же время намекал, что находится под сюзеренитетом империи Цин, которая защитит его от враждебных действий со стороны Кашмира и стоящих за ним британцев [25, р. 19; 26, р. 285; см. также: 4, с. 48].

Впрочем, политическая позиция Сафдар-Али в силу отсутствия у него знаний и понимания обстановки в регионе выглядела весьма неубедительной. Ф. Янгхасбенд вспоминал, что в трактовке эмира Британская, Российская и Цинская империи представляли всего лишь такими же небольшими соседними государствами, как и сама Хунза. Соответственно, свои отношения с ними он характеризовал как равноправные и дружественные [26, р. 285–286]. Именно за эту трактовку и ухватился британский агент Э. Дюранд, заявив эмиру, что британские власти отнюдь не возражают против его дружбы с империей Цин — при выполнении вассальных обязанностей по отношению к Кашмиру. Требования же о выплате вознаграждения за отказ от набегов британскими дипломатами были решительно отклонены [26, р. 286; см. также: 17, с. 536]. Результатом стало но-

¹ Впоследствии российские авторы (начиная с Л. Б. Громбчевского) стали интерпретировать эту «плату за проход» как заключение между Хунзой и британскими властями вассального соглашения, по которому власти Индии якобы обязывались ежемесячно выплачивать эмиру 15 тыс. рупий [2, с. 46, 49, 56; 9, с. 124; см. также: 10, с. 184; 15, с. 399]. Однако ни сам Локкарт [23, р. 388–391], ни последующие британские дипломаты ни словом не упоминают о таком соглашении — напротив, как уже отмечалось, они всячески подчеркивали, что не намерены платить эмиру за отказ от набегов на британские владения. Более того, сразу после начала переговоров с Локкартом эмир Хунзы проинформировал о них власти Синьцзяна [20, р. 14–15].

вое обострение отношений между Хунзой и Кашмиром и развязывание в 1888 г. очередного витка боевых действий [19, р. 13].

Под натиском кашмирских войск эмир (едва ли не впервые за период вассалитета от империи Цин!) обратился за поддержкой к китайским властям Синьцзяна, однако прибывший в княжество китайский военный чиновник вместо оказания помощи в виде солдат, оружия и боеприпасов всего лишь посоветовал эмиру жить в дружбе с соседями. Как говорил впоследствии сам Сафдар-Али, «все враги-соседи смеются над таким покровительством» [3, с. 132; 11, с. 139; 25, р. 34–35]. Последовавший в том же году визит в Хунзу Л. Б. Громбчевского позволил эмиру вновь задуматься о смене покровителя, прибегнув на этот раз к заступничеству со стороны Российской империи. Неопределенный статус российского военного исследователя не позволил ему принять от эмира прошение о принятии Хунзы в российское подданство, и он порекомендовал Сафдар-Али направить соответствующее послание Н. Ф. Петровскому, российскому генеральному консулу в Кашгаре (1882–1903). Весьма любопытно, что только что заявлявший о намерении отказаться от вассалитета по отношению к Цин эмир заявил на это, что не хочет направлять в Кашгар такое послание, «чтобы не обидеть китайцев». Тем не менее, поддавшись уговорам Громбчевского, он подготовил несколько посланий — Петровскому², туркестанскому генерал-губернатору Н. О. фон Розенбаху (1884–1889) и министру иностранных дел Н. К. Гирсу (1892–1895) [3, с. 133; см. также: 12, с. 247; 14, с. 190].

Последующие события хорошо освещены в литературе: обеспокоенные претензиями России на Хунзу³, британские власти в конце 1891 г. организовали военное вторжение в княжество. Эмир Сафдар-Али, узнав о приближении английского отряда,

² Н. Ф. Петровский, вероятно, не желая еще больше обострять свои и без того сложные отношения с цинскими властями Синьцзяна, отказался сам участвовать в решении данного вопроса, рекомендовав поручить его туркестанскому генерал-губернатору Розенбаху. Впрочем, МИД, не жаловавший туркестанского начальника, предписал самому же Петровскому выразить от имени России «удовольствие» в ответ на послание правителя Хунзы, о чем консулу пришлось выдать тому же Б. Л. Громбчевскому адресованное эмиру письмо [10, с. 211–212; ср.: 2, с. 4].

³ Впоследствии Н. Ф. Петровский именно Громбчевского обвинял в том, что англичане заняли Хунзу [10, с. 236]. Попытки самого российского консула в Кашгаре побудить цинские власти к активным действиям против британских оккупантов в Хунзе, как отмечал Дж. Макартни, британский консул в Кашгаре (1867–1945), не имели успеха [14, с. 195; 21, р. 26].

направил командовавшему им полковнику Э. Дюранду «грозное» предупреждение, что ему придется столкнуться с силами «трех империй» — Хунзы, России и Китая [19, р. 264]. Однако никакие внешние покровители не вмешались, и эмиру пришлось покинуть свои владения и найти убежище в китайском Сарыколе, который его подданные ранее активно грабили [4, с. 55].

Сафдар-Али пытался убедить цинские власти выгнать английских оккупантов из Хунзы, в ответ на что маньчжурские чиновники ограничивались туманными обещаниями направить к англичанам дипломатов и убедить их оставить княжество. Однако закончилось все совсем не так, как ожидал свергнутый правитель: власти Синьцзяна заманили его в Таш-Курган, где он был арестован, признан виновным в том, что не оказал англичанам достойного сопротивления и приговорен к вечному заключению, для отбывания которого был выслан в Урумчи. Его везир был по приговору того же суда казнен, а его голову отправили в Хунзу [7, с. 309; 25, р. 49; см. также: 4, с. 55–56; 12, с. 274]. Как видим, цинские власти, столько времени не имевшие возможности как-то воздействовать на вассальных правителей Хунзы, весьма жестко повели себя в отношении эмира, оказавшегося в их владениях!

Тем не менее китайские дипломаты вступили в переговоры с администрацией вице-короля Индии, заявляя о незаконности британской оккупации Хунзы и требуя вывода оттуда английских войск. В ответ на это империи Цин было предложено направить в княжество своих дипломатов для решения его дальнейшей судьбы. В результате в 1892 г. в присутствии цинских представителей (и даже под их номинальным руководством) в Хунзе были организованы выборы нового правителя — им стал брат свергнутого эмира Мухаммад Назим-хан (прав. 1892–1938), который еще в правление своего брата выказывал симпатии британским властям и призывал вместо призрачных надежд на Цин и Россию признать их сюзеренитет в обмен на покровительство и субсидии [25, р. 27]. Подобный шаг британцев оказался весьма эффективным, поскольку позволил империи Цин «сохранить лицо» и повести себя так, будто ее власти по собственному усмотрению передали контроль над Хунзой британцам [4, с. 60–61; 21, р. 25–26; 25, р. 58]. Пару лет спустя новый британский агент в Гилгите полковник Э. Брюс (1893–1894), успокоенный и миролюбивой позицией китайцев, и лояльностью нового эмира, предложил Мухаммаду Назим-хану, если тот пожелает, вновь выплачивать прежнюю символическую дань империи Цин [25, р. 62–63]. На это эмир, впрочем, ожидаемо отвечал, что не намерен «сидеть на двух стульях». Таким образом, даже номинальный сюзе-

ренитет империи Цин над Хунзой подошел к концу: маньчжурские власти предпочли «добровольно» передать свои права на княжество Британской империи в обмен на сохранение с нею мирных отношений, чем допустить установление над Хунзой контроля Российской империи, которую цинские власти подозревали также в намерении захватить Синьцзян и полагали, что захват ею Хунзы станет шагом на пути к его реализации [14, с. 152; 25, р. 41–42; см. также: 4, с. 56]⁴.

В заключение следует отметить, что ситуация, сложившаяся вокруг Хунзы на рубеже 1880–1890-х г., не была уникальной — напротив, она была весьма типична для того региона в условиях «Большой игры». Практически аналогичную позицию занимал в 1860–1870-е гг. Якуб-бек — правитель гораздо более крупного, но при этом и более «кратковременного» государства Йэттишар в Восточном Туркестане: он точно так же старался лавировать между Российской и Британской империей, в то же время рассматривая возможность признать вассалитет от империи Цин. Однако если с Восточным Туркестаном российские власти имели давние связи и экономические интересы (еще со времен, когда он не был завоеван маньчжурами) и поэтому постарались не допустить его перехода под влияние Великобритании, то в Хунзе у них столь прочных позиций не было, что не только привело к упущению возможности установления над ней российского протектората⁵, но и к окончательной ее потере Цинской империей.

Источники и литература

1. *Громбчевский Б. Л.* Путешествия по Центральной Азии. СПб., 2019.

2. *Громбчевский Б. Л.* Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Военно-политический очерк. Новый Маргелан. 1891.

⁴ Цинские власти изначально весьма жестко реагировали на попытки проникновения в Хунзу со стороны представителей России. Н. Ф. Петровский, в частности, описывает бурную переписку с администрацией Синьцзяна в 1887 г., когда знаменитый впоследствии путешественник и ученый Г. Е. Грумм-Гржимайло (1860–1936) попытался доехать до Хунзы [10, с. 201–204].

⁵ По итогам российско-британских переговоров в Лондоне в 1893–1894 гг. Российская империя в обмен на отказ англичан от претензий на контроль над памирскими княжествами Рушаном и Шугнаном фактически признала британский протекторат над Хунзой и соседним княжеством Нагаром [14, с. 197].

3. Дервиш Гиндукуша: Путевые дневники центральноазиатских экспедиций генерала Б. Л. Громбчевского / Под ред. М. К. Басханова, А. А. Колесникова, М. Ф. Матвеевой. СПб., 2015.

4. *Зайченко З. И.* Памиры и Сарыкол (Очерки возникновения, последовательного развития и современного положения Памирского вопроса). Ташкент, 1903.

5. *Искандаров Б. И.* Гиндукуш во второй половине XIX века. М., 1968.

6. *Лу жецкая Н. Л.* Очерки истории Восточного Гиндукуша во второй половине XIX в. М., 1986.

7. *Лу жецкая Н. Л.* «Родословная правителей Хунзы, Нагара и Гилгита» Мухаммада Гани-хана // Страны и народы Востока, Вып. XXX. Центральная Азия. Восточный Гиндукуш. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. С. 300-340.

8. Народы, населяющие Гиндукуш. Сочинение майора Биддельфа, политического агента в Гильгите / Пер. П. Лессара. Асхабад, 1886.

9. Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 году старшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Ферганской области, поручика Б. Л. Гронбчевского. Новый Маргелан, [б. г].

10. *Петровский Н. Ф.* Туркестанские письма. М., 2010.

11. *Понафидин П. Е.* Очерк современного положения Пригиндукушских владений Индийской империи и Кафиристана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXV. СПб. 1896. С. 131–150.

12. *Постников А. В.* Схватка на «Крыше Мира». Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. М., 2001.

13. Русско-китайские отношения в Центральной Азии в XIX – начале XX в.: Документы и извлечения / Сост. А. В. Старцев, Ю. А. Лысенко, И. В. Анисимова, С. В. Моисеев, Н. В. Кольцова, М. В. Стурова. Барнаул, 2014.

14. *Сергеев Е. Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.

15. *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. Т. 3. СПб., 1906.

16. *Хафизова К.* Казахская стратегия Цинской империи. Алматы, 2007.

17. *Хопкирк П.* Большая игра против России: азиатский синдром. М., 2004.

18. *Alder G. J.* British India's Northern Frontier, 1865–95: A study in imperial policy. London, 1963.

19. *Durand A.* The Making of a frontier: Five years' experiences and adventures in Gilgit, Hunza, Nagar, Chitral and the Eastern Hindu-Kush. London, 1900.

20. *Elias N.* Report on a Mission to Chinese Turkestan and Badakhshan in 1885-1886. Calcutta, 1886.

21. *Huttenbeck R.* The "Great Game" in the Pamirs and Hindu Kush: The British Conquest of Hunza and Nagar // *Modern Asian Studies*, 1975. Vol. 9. No. 1. P. 1–29.

22. *Lin H.-T.* The Tributary System in China's Historical Imagination: China and Hunza, ca. 1760–1960 // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 3rd ser. Vol. 19. No. 4. Oct. 2009. P. 489–507.

23. *Lockhart W.S.A., Woodthorpe R.G.* Gilgit Mission, 1885–86. London, 1889.

24. *Muller-Stellrecht I.* Hunza und China (1761–1891). Wiesbaden, 1978.

25. The Autobiography of Sir Mohamed Nazim Khan, K. C. I. E., Mir of Hunza. Б.м., [1936].

26. *Younghusband F. E.* The heart of a continent: A narrative of travels in Manchuria, across the Gobi Desert, through Himalayas, the Pamirs and Chitral. London, 1896.

*Roman Yu. Pochekaev**

Chinese Factor of the Russian-British Rivalry for Hunza**

ABSTRACT: The article is an analysis of the involvement of the Qing Empire into the struggle between the Russian and British empires for the control over the Hunza principality which was formally under the Manchu suzerainty. The position of the Qing Empire itself concerning the Hunza is considered along with the reasons of its inactivity during the period when the British protectorate over the principality was being established.

KEYWORDS: Russian Empire, British Empire, Qing Empire, Hunza (Kanjut), protectorate, the Great game

* Pochekaev Roman Yulianovich, Ph. D. (Law), Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg), rpochekaev@hse.ru

** The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project № 19-18-00162) and implemented in the Institute of Languages and Cultures named after Leo Tolstoy